

7. Мамедова Н. М. Проблема универсалий в культуре. // Научный вестник МГТУ ГА. Серия : История философия, социология. – М., 2008. № 129. 48 с.
8. Флиер А. Я. Современная культурология : проблемы, возможности, задачи // URL : [Режим доступа] : hischool.ru/userfiles/flier33.doc (дата обращения: 02.02. 2012). Научная библиотека КиберЛенинка : <http://cyberleninka.ru/article/n/universalii-kultury-i-translyatsiya-sotsialno-istoricheskogo-opyta-poisk-strategii-analiza#ixzz3KCb5D31K>
9. Крым. Соцветие национальных культур. Традиции, обычаи, праздники, обряды / Сост. Н. В. Малышева, Н. Н. Воложук. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2003. – Т.1. – 392 с.
10. Петросян С. Новый год в Армении : [Электронный ресурс] / С. Петросян. – Режим доступа : <http://www.vestikavkaza.ru/articles/kultura/week/30977.html>

Воеводин А.П.

УДК 008:572.026

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ ВЕРЫ В КОНТЕКСТЕ АДАПТАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ

***Анотація.** Преподлагається антропологічна інтерпретація адаптаційно-культурних механізмів виникнення і функціонування релігійної віри, в якій акцент робиться на дослідженні особливостей функціонування храму в процесі регулювання релігійної життєдіяльності людей. В цій зв'язку особливий інтерес представляє категоріальний аналіз підтримуваних храмом специфічних і неспецифічних адаптивно-захисних механізмів культури в оформленні релігійної картини світу і репрезентації релігійних форм соціальної регуляції.*

***Ключові слова:** авторитет, адаптивно-захисна функція культури, картина світу, віра, довіра, репрезентація віри, спасіння, храм.*

***Анотація.** Надається антропологічна інтерпретація адаптаційно-культурних механізмів виникнення і функціонування релігійної віри, в продовж якої наголос здійснюється на вивченні особливостей функціонування храму в процесі регулювання релігійної життєдіяльності людей. У цьому зв'язку особливу цікавість має категоріальний аналіз специфічних і неспецифічних адаптивно-захисних механізмів культури, які цілеспрямовано підтримуються у віруючих храмом у вигляді оформлення релігійної картини світу і репрезентації релігійних форм соціальної регуляції.*

***Ключові слова:** авторитет, адаптивно-захисна функція культури, картина світу, віра, довіра, репрезентація віри, спасіння, храм.*

***Summary.** Anthropological interpretation of adaptation and cultural mechanisms of emergence and functioning of religious faith is proposed. The author focuses on the study of the functioning of the church in the process of regulation of the religious life of people. In this regard particular interest is in the categorical analysis of specific and nonspecific adaptive and defense mechanisms of culture in the design of religious picture of the world and the representation of religious forms of social regulation supported by the church.*

***Keywords:** authority, adaptive and protective function of culture, worldview, faith, trust, representation of faith, salvation, the church.*

Размышления над загадкой тотального влияния религии на регулирование совместной деятельности людей и особенностях неустанной заботы церкви по укреплению нравственного здоровья общества неизбежно приводят к необходимости антропологической интерпретации места и функционального назначения Храма в религиозной культуре общества. Речь, прежде всего, идет об организации надличностных форм регулирования религиозной жизнедеятельности людей, в которой Храму по праву принадлежит центральное место. Если религиозную жизнь общества рассматривать как целенаправленную и управляемую деятельность людей, то смысл и направленность религиозной активности целиком и полностью определяется характером религиозной культуры данного общества и доминирующих в нем религиозных интересов. Религиозный интерес, как и любой иной социальный интерес, – это общественный или коллективный интерес, который по определению не может быть организован и осуществлен отдельным человеком самостоятельно, «в одиночку». Осознание адекватных задач и уровню развития общества религиозных интересов, их целенаправленное формирование в массах, определение соответствующих содержанию религиозных интересов совместных способов и форм их удовлетворения, сам процесс реализации духовных интересов не может происходить вне и помимо Храма. Исконный смысл существования Храма состоит в создании стимулов религиозной деятельности (религиозных интересов) и выстраивании религиозной программы жизни, как отдельного человека, так и общества в целом. Для этого существует только один известный человечеству способ - организация религиозного мировоззрения и религиозной веры у приходящих в Храм людей, поддержка и неустанное воспроизведение предметного знаково-символического оформления, информационно-смысловой опоры религиозной картины мира.

Мировоззрение любого человека складывается из чувственных и понятийных образов как специфический способ структурирования отдельных образов в цельную картину мира. Необходимо помнить, что мировоззрение есть не само конкретное содержательное знание отдельных образов, а характерная особенность отдельных знаний – находится в определенной связи, быть упорядоченным. Поэтому содержанием картины мира в целом являются не столько предметное содержание отдельных образов, сколько их иерархия, принципиальная модель или схема мироустройства. Вместе с тем, мировоззрение не ограничивается только тем, что репрезентирует в сознании ту или иную структуру устройства мира. В сознании отдельного человека могут иметь место различные картины мира и даже сосуществовать, как, например, у теолога, философа, физика или в художественном произведении (мифе) в

виде мировоззрений различных действующих лиц (характеров, героев). Чтобы эти картины мира влияли на поведение человека, необходима их психофизиологическая связь с потребностями его организма, конкретного и ограниченного тела. Поэтому вторую, обращенную к субъекту сторону мировоззрения, составляют ценностные доминанты - понимание значения данной иерархии мира в практической жизнедеятельности людей. Ценностные доминанты обнаруживаются и переживаются субъектом в форме эмоциональной окраски образов и соответствующих форм или способов поведения, одобряемых обществом конкретных схем деятельности. Посредством полярных эмоциональных акцентов (радость – страдание, добро – зло, защитники – враги) задается общий вектор и конкретная программа совместной жизнедеятельности многих людей. Вот почему неустанная забота об адекватности форм репрезентации и ежедневном воспроизводстве знаково-символической опоры религиозного мировоззрения, его непрестанно бесконечном «опредмечивании» и «распредмечивании» в деятельности верующих является определяющей формой деятельности религиозного Храма.

Суть религиозного мировоззрения, в отличие от категориально обобщенной философской картины мира, – не понятийная, а экстатическая, то есть основана не на допускающем *со-мнение* и требующем практической *про-верки* знанию, а на безусловно-фанатичной *уверенности* в правильности и единственности способа понимания (объяснения) устройства мира. *Вера* является неустранимой сущностной характеристикой религиозного мировоззрения. Если Декарт говорит – *мое мышление есть мое бытие*, то верующий человек говорит: – *моя вера есть мое бытие* (Л. Фейербах). Суть веры не эксплицируется логическими средствами. «От всякой попытки прикоснуться щупальцами разума к вере – вера гибнет,- пишет Лев Шестов. - Она не делится своей властью ни с кем. Она может жить только в атмосфере безумия» [Шестов Л. *Sola fide* -- только верою. Греческая и средневековая философия. Лютер и Церковь. Париж: YMCA-PRESS, 1966. 270 с.]

Как божественный аффект, вера – это иррациональное переживание одержимости, в котором не имеет существенного значения сам предмет веры. Как можно верить в то, что в психике может производиться иным способом, чем вера, чем-то внешним по отношению к механизмам самой веры? Предметом веры, следовательно, является только то, существование чего невозможно (или абсурдно иначе), нежели как посредством безусловного самоотречения и растворения самосознания в психофизиологических механизмах веры. Фактическим предметом веры может быть только сама вера, постоянное возрождение-воспроизведение самой способности и силы верить. О вере можно говорить лишь как о том, что *случается* не закономерным (захотел и поверил, а потом захотел и перестал верить!), а *чудесным* способом и что происходит только в акте личной веры. Верующий человек живет в состоянии «осуществления ожидаемого» и «уверенности в невидимом» [Лавел, «Послание к евреям», Евр.11:1]. Другими словами, в мистическом опыте бого-общения вера, как форма рефлексии, открывает «не-оче-видное», но «умопостижимое» в процессе *откровения*. В известном смысле о вере можно говорить как о состоянии «разумного безумия» (И. Кант).

Акты веры, в момент их совершения, опредмечены каким-то содержанием, которое раскрывается в процессе этих актов. Чаще всего люди дискутируют о содержании и трактовках религиозной информации, но вовсе не о способах ее представленности в психике индивида. Поэтому сам акт веры большинство людей не замечает, подобно тому, как мы не замечаем акта непосредственной данности внешнего мира в наших восприятиях и чувствах, поскольку с детства приучены воспринимать его в специфических формах культурных констант и только единственным, присущим данной культуре способом, что вселяет в нас иррациональную *уверенность* в том, что он есть и есть именно таким, каким мы его воспринимаем. Поэтому сам акт веры в чистом виде мы непосредственно наблюдать не можем, для этого необходима соответствующая техника теологического или философского мышления.

В исторической логике движения человеческого мышления от изначальной единичности чувственного образа к всеобщности содержания философских категорий религиозное мировоззрение представляет собой естественный опыт рефлексии человеком сверхъестественного могущества собственного разума, а именно, этап абстракции и абсолютизации единичного. Исключительная единичность и единственность смысла, тотальность и абсолютная однозначность конкретно-чувственной единичности религиозной картины мира составляют решающую отличительную черту религиозной информации. В силу этого она не может не быть непрерываемо догматичной. Вера исключает присущее знанию сомнение, сравнение разнообразных смыслов или пониманий предмета. Верующий человек объявляет сомнение главным грехом, ибо аналитически рефлектирующий дух открывает ящик Пандоры. Как специфический способ переживания объективного смысла, вера занимает срединное положение между гипнотическим трансом, превращающим человека в безответственного «зомби» и просвещенным разумом, с его извечным сомнением и *про-веркой* всякого знания *до* самой веры.

Но поскольку индивид не может жить одним лишь религиозным сознанием и действовать исключительно по правилам данной свыше религиозной информации, и кроме религиозной активности вынужден осуществлять повседневную практическую и бытовую деятельность, с ее трезвостью отношения к событиям в мире, а также совершать разнообразные нравственные, политические, эстетические, экономические и прочие действия и оценки, во многом противоречащие религиозной информации и корректирующие ее, то главной проблемой для верующих становится религиозная потребность каким-то образом входить и удерживаться в состоянии веры или «*держаться веры*». С этой целью церковью создаются разнообразные формы или техники (цивилизационные механизмы) религиозно-психологической и эстетической деятельности по актуализации и поддержанию религиозной веры, поскольку вера не может быть основана на знании. Апостол Павел [Рим 10: 14-17] описывает экзистенциально необходимые условия

веры, которыми, как он заявляет, оказываются «божественное откровение» (Писание, Бог), «наставление в нем» (традиция, прививаемая в церковной общине, Церковь) и «проповедующий» (человек, пастырь). Заметим, что имя гонителя христиан Савла коррелируется со словом «знание», тогда как имя истово верующего апостола Павла соотносимо с «откровением», личным контактом с Богом и непоколебимой верой. Кто *знает*, тот не может *верить*. Вера зиждется не на про-верке знания, а на до-верии к источнику информации и репутации его.

Таким образом, условиями (или машиной существования и осуществления) веры, оказывается авторитет: *авторитет церкви* – «как веровать в Того о Ком не слыхали?» – догматический смысл; *авторитет человека* – «как слышать без проповедующего?» – психологический смысл согласия с верой; *авторитет Бога* – «вера от слышания, а слышание от слова Божия» – харизматический смысл, дар Духа Святого [Там же].

Авторитет, как нравственный инструмент ненасильственного внешнего влияния на поведение и мысли людей, строится на абсолютном *до-верии* к источнику информации. Поэтому задача существования и деятельности Храма заключается в неустанном поддержании и служении авторитета – Бога, церкви, служителя церкви. Вся атмосфера культурной религиозно-эстетической организации и построения Храма пронизана стремлением *служения* авторитету, стремлением своим угодничеством в исполнении веры заслужить его внимание и благо-склонность. Тем самым Храм становится местом сотворения и удовлетворения религиозного интереса: а) местом «организации» веры – коллективного богослужения и объединения людей в духовной общности и в вере; б) местом «отправления» веры – индивидуальной деятельности людей в отправлении веры; в) местом «укрепления» веры – взаимном внушении веры. Своими конструктивными архитектурно-эстетическими и идеологическими особенностями Храм создает религиозное культурное пространство, в котором в соответствии с ритуальной регламентацией религиозных движений и цивилизованным сценарием магических действий задаются параметры (программа) религиозной перформативной и психологической активности верующих. В этой связи особый интерес представляет анализ поддерживаемых Храмом адаптивно-защитных механизмов культуры в оформлении религиозной картины мира и репрезентации религиозных форм социальной регуляции.

Как известно, человеком не рождаются в «готовом виде». Естественным путем рождается биологический информант, человеческое тело, которое становится собственно человеком в соответствующей этнической культурной среде, посредством воспитания, образования и овладения культурой. Это также значит, что люди не рождаются с врожденным религиозным сознанием. Религиозное сознание и религиозная вера не даны человеку от рождения, а появляются при определенных условиях и в соответствующих формах культуры.

Исходным моментом в становлении индивидуального религиозного сознания, в отсутствие какого-либо индивидуального или коллективного человеческого опыта, является иррациональное ощущение чуждости и враждебности внешнего мира, врожденное чувство *тревожности* и *неуверенности* в воспроизводстве собственной жизни. Тревожность и неуверенность – непереносимое психологическое условие возникновения веры. Обладающий практическим опытом самостоятельной жизни и уверенный в себе человек не испытывает потребности (нужды) в религиозном опыте и не нуждается в вере.

Индивидуальное или коллективное тревожное ощущение опасности извне (мир во зле) и неуверенности в благополучном будущем порождает поиски «механизмов защиты» и «спасения», снятия тревожности и выстраивания психологически гармоничного, лишнего внутреннего беспокойства, умиротворенного и уравновешенного ощущения. Иногда в литературе такие поиски преодоления неуверенности в себе и прояснения программы личной жизни именуют поисками *Смысла* жизни, а в психологической и когнитивной антропологии первичной рационализацией мира. Суть первичной рационализации заключается в трансформации абстрактного ощущения тревожности в конкретные образы, персонификация и концентрация враждебности, создание «образа врага». Одновременно осуществляется поиск «положительных» образов и эмпирическое «нашупывание» оправданных схем движения, направленных на преодоление опасности. Ответы, которые человек формирует, закладывают основные парадигмы, матрицы этнокультуры и потребную картину мира, основополагающий элемент культуры.

Поиски смысла жизни приводят к обретению *Надежды* на спасение, ибо первичный психологический и житейский смысл *Спасения* заключается в преодолении невзгод и соответствующих тревожных и отрицательных переживаний, чудесном и магическом избавлении от страданий и переходе в качественно иное, безмятежное состояние жизни. Религиозный же смысл надежды порождается невозможностью выведения защитных сил из наличных (естественных) условий человеческой жизни и в силу этого обращением к трансцендентным и всемогущим силам. Психологически надежда переживается как желаемый путь, единственно мыслимая, пусть даже ирреальная, *чудесная* возможность преодоления неуверенности и страданий. Надежда указывает человеку *путь спасения*, путь из мира человеческого страдания и зла в мир божественной благодати. Обретая надежду, человек обретает *уверенность* в достижении намеченных целей, а с ней и собственно *веру*. «Кто уверовал, тот – спасся. Кто спасся, тот уверовал, то есть почувствовал, что все ограничительные законы, все устои, все опоры, которыми держался человек, разбиты, раздроблены, уничтожены, что все светочи погасли, все указания исчезли», - утверждает Лев Шестов [Указ соч., 259 с.]. Как он полагает смысл (суть) христианской веры состоит не в рабском *принуждении* к вере, а в добровольном, свободном и безрассудном согласии с «дорогой веры». В акте веры есть подвиг *отречения*, которого нет в акте знания. Знание принудительно, тогда как вера - свободна. Акт веры есть акт свободной любви, не ведающей доказательств, гарантий, принуждений. Человек верит в Бога, потому, что любит его (Н.А. Бердяев).

Таким образом, надежда на спасение иррационально связана с изначальным аксиологическим расколом картины мира на положительные (Мы) и отрицательные (Они) ценности, внятым отнесением структурных элементов (образов) картины мира и практических схем действий к благам или греху. Высокая мера конфликтности по отношению к окружающему миру вызывает в ответ напряженность и мобильность культуры, а с ней и выстраивание специфических и неспецифических защитных механизмов культуры. Специфические механизмы культуры состоят в локализации и маркировке угрозы в иерархии образов бытия, а также связаны с поисками способов защиты от угрозы и персонификацией образа *Защитника* (наставника, учителя, помощника) обездоленных и страждущих, *проводника* в преодолении жизненных коллизий и осуществлении мечты о спасении. Закономерным результатом работы специфических психологических механизмов является появление неспецифических защитных механизмов - *религиозной картины мира*, продукта культурной психологической рационализации.

Картина мира – связанное представление о бытии, присущее членам данного этноса, которое находит свое вербально-символическое выражение в религии, философии, мифологии, литературе, идеологиях. Это представление обнаруживается через поступки людей и способы объяснения ими своих поступков, а также служит базой для объяснения людьми своих действий и намерений. Принципиальной особенностью картины мира является то, что она рефлектируется членами этноса лишь частично и фрагментарно и никогда логически последовательно. Главным здесь является не объективность и достоверность содержания картины мира, а наличие ощущения целостной, упорядоченной и гармонично-уютной системы представлений. В этом вся соль вопроса, ведь основная функция культуры это функция психологической защиты. Ощущение гармоничности бытия и уверенность в правильности своего объяснения мира выполняют защитную функцию, создают устойчивость и определенность психики индивида, закладывают предпосылки его самоидентификации и самоценности в культуре.

В религиозной картине мира защитная функция культуры локализуется, конкретизируется и персонифицируется в образе *Защитника*. Решающим психологическим и нравственным условием выбора защитника является *доверие* к нему, которое, в свою очередь, предполагает завоевание им *авторитета* у последователей его *учения*, проповедуемой им картины мира. *Про-верка* авторитета и установление *доверия* к нему осуществляется в процессе демонстрации принципиального отличия возможностей (могущества) защитника от простых людей посредством совершения *чуда*, оче-видной яв(ь)ленности сверхъестественных и харизматических интенций защитника.

В культивируемой христианством картине мира Христос является непререкаемым авторитетом, лидером, наставником, защитником, спасителем. Его образ интенционально раскрывается верующему как искомый путь спасения, как безусловное и концентрированное благо, как пример жертвенности собственной жизнью ради благополучия простых людей. Вместе с тем, Он является своим последователям как строгий, но справедливый учитель - Отец, Пастырь, Господин, как нравственный наставник и путеводитель в мире плотских искушений и житейских невзгод. Не случайно он характеризуется себя словами «Азм есть!», которые можно интерпретировать в смысле латинского «est» - быть, бытие; буквально - «Я бытие», «Я - все, что существует». Отклонение верующего индивида от начертанного в принятой им религиозной картине мира пути корректируется угрозой возмездия и наказания за грехи: «Мне отмщение и Аз воздам!». Условием спасения является безусловная покорность верующего, «раба божия», своему Господину - «...к богу нужно идти, точно на погибель и уничтожение, в этом сама вера» [*Лев Шестов*. Указ соч., 215 с.]. В христианской вере судьба конкретного человека теперь теряет смысл слепой и безраздельно царящей в мире силы и становится судьбиной Божией, Провидением или Промыслом Бога о мире. В отличие от бессмысленного коварства и непредсказуемости язычески понимаемой судьбы, Провидение начало смысловое, предполагает человеческую ответственность и свободу, цель и направленность которой открыта в Священном Писании. Провидение имеет свой сверхсмысл. Оно направляет мир и человечество от сотворения мира через Боговоплощение к концу мира, Страшному суду и Светопреставлению, после которого, по слову апостола, «времени больше не будет», а наступит вечная жизнь спасенных и вечное умирание погибших людей.

В христианской картине мира путь спасения обретает свой конкретный и понятный вид - его смысл открывается верующему как *служение* Христу, следование его указаниям и подражание жизни Спасителя. Это путь *обожения*, путь самоопределения и аскезы, как движения индивида по проповедуемому учителем пути избавления от искушений жизни, путь освобождения от греховности телесного (биологического) и становления целомудренной *святости*, путь к жизни без греха. Обретая в лице Спасителя свой понятный и чувственно зримый облик *Надежда* трансформируется в *уверенность* в избранном пути, а с нею и в *Веру*, как непосредственное воплощение духовной и нравственной жизни. Верит, надеется и любит человек, идущий по пути святости. Верность Спасителю и начертанному им пути является безусловным нравственным долгом индивида. Поскольку же спасение зависит не только от чистоты помыслов и деяний верующего, но в большей степени от благосклонности и милостливости Защитника, его всемогущества, провидения, таинства и недоступного разуму чудесного образа действий, то богоизбранность и уверенность в спасении обставляется для конкретного верующего такими неустраняемыми и атрибутивными характеристиками веры как антикритицизм, догматизм, слепое и безусловное подчинение авторитету спасителя. Чтобы обрести опыт веры «необходимо самоотречение, необходимо ослепнуть, оглохнуть» [Там же]. Служа Спасителю, святой спасается всей своей жизнью, но спасенным он оказывается только в момент смерти, когда его жизнь обретает завершенность и целостность. Знать о своем спасении при жизни невозможно. Жизнь под знаком веры и надежды требует душевной собранности и постоянного

самоопределения, ибо отчаяние в своем спасении такой же великий грех, как и самонадеянная самоуверенность.

В христианской картине мира Христос миллионкратно оживает в сознании верующих как персонифицированный чувственно-символический авторитарный центр организации и контроля реальной, посторонней деятельности мирян, который поручил и доверил выполнять некоторые из своих функций посредникам в лице служителей церкви. Главная функция современной церкви - контроль над религиозной информацией, а посредством нее и над поведением верующих. В этом своем качестве Церковь и Храм, как ее важнейший конститутивный элемент, может рассматриваться как машина или технический инструмент для непрерывного воспроизводства цивилизованного религиозного мировоззрения и религиозного мышления, подобно тому, как театр или филармония есть машина для организации художественного мышления, а логика и философия организуют технику мышления вообще.

Тысячелетиями функционируя по канонизированным Церковью правилам, Храм создает необходимые условия для суггестивной интериоризации внешнего ритуального действия-принуждения в персональный план личного общения с Богом - обращения к Спасителю в форме раскаяния и просьбы-моления о спасении - молитвы, а особых случаях и в форме даров (благо-дар-ности) и даже жертвоприношения. Психологически выверенная веками, ритуализованная и придирчиво мелочная эстетическая регламентация перформативной активности верующего в молитвенном обращении к Спасителю вводит индивида в состояние абсолютного эмоционального *доверия* Богу - экстатический транс, выход к сакральному за пределы трансцензуса, а в ситуации *откровения* и к непосредственному психологическому «общению-слиянию» с Богом. Молитва устанавливает живой опыт мистического общения с Богом, позволяет почувствовать радость присутствия Бога в человеческой жизни. Молиться - это значит находится в том особом внутреннем состоянии, когда духовное начало в человеке входит в таинственное и непосредственное соприкосновение с Богом и потусторонним невидимым миром (прот. А. Мень). Молитва может стать непрерывной и непрерывной, что требует особого искусства, особых молитвенных техник и приемов, целой духовной науки. Для тех из верующих, кто посвящают свою жизнь нескончаемой молитве и, прежде всего, монахов, молитвенный транс служит средством личного человеческого восхождения индивида. Его высшая точка - *аксиус* (греч. - значимый, ценный, достойный) - есть эмоциональная абстракция надежды и личная встреча Человека, как подобия Бога, с самим собой в виде эмоциональной абстракции своего собственно человеческого, то есть лишнего греховного, тварного, биологически телесного состояния.

Аксиус есть максимально концентрированная религиозно-эстетическая форма восхождения человека к индивидуальной встрече с проявлением божественного в самом себе, через *молитву, раскаяние* и *очищение* от случайных отклонений (грехов) в процессе уподобления земной жизни Спасителя, через трансформацию *уподобления в со-переживание Ему*. Аксиус, в сущности своей есть религиозная форма чувства возвышенного: личного преодоления индивидуального несовершенства и хаотичности земных чувств в процессе переживания нормативно организуемого религией и Храмом обобщенного эмоционального состояния как сверхъестественным образом данного. Пространство Храма является местом профессионального сотворения религиозной культуры. Поднимая человека с колен врожденного психологически неуверенного состояния путем напряженного личного труда к переживанию в вере наивысших и наилучших из всех человеческих нравственно-эстетических состояний Церковь нравственно оздоравливает общество, очищает его от соблазнов и грехов человеческой телесности. В этом смысле церковь может рассматриваться как грандиозный театр, где разыгрывается бесконечная драма преобразования биологических предпосылок человека в культурно оформленные стереотипы человеческого поведения. В Храме личностно искаженные и субъективно «искривленные» индивидуальные человеческие чувства подвергаются коллективной суггестии и в процессе безотчетной коллективной имитации трансформируются в *над-* или *без-*личные экстатические переживания. В процессе молитвы и ритуальных действий храме происходит таинство религиозного обобщения и коллективного эмоционального абстрагирования сущностных сил человека. Эмоциональная встреча человека с самим собой в отправлении веры производит поистине ошеломляющий нравственно-лечебный эффект, сопровождающийся мощнейшим гедонистическим подкреплением, наивысшим наслаждением, которое только и может испытать человек. Поэтому *любовь* к Богу есть движущая причина развития самого человека в его бесконечном восхождении к нравственным идеалам совершенного человеческого общежития. Поэтому *Любовь* к Богу открывает человеку истинный *Смысл* его жизни.

Источники и литература:

1. Шестов Л. *Sola fide* – только верою. Греческая и средневековая философия. Лютер и Церковь. Париж : YMCA-PRESS, 1966. 296 с.
2. Воеводин А. П. Понятие мировоззрения в контексте гуманитарного осмысления // Гуманитарні науки : Наук.-теорет. журнал – 2001, № 1. – С. 12 – 20.